

СТАРЫЙ АСФАЛЬТ

зачем-то понадобилось заехать в школу, где он тогда работал, и я ни с того ни с сего увязалась с ним. Не знаю, зачем, я ж домой собиралась.

Школа была в каких-то переулках, и пока добрались, совсем стемнело. Шли вдоль забора по разбитому тротуару, и было лето. Я рассматривала дома и удивлялась, что до сих пор здесь не была – старый ведь центр, все знакомо.

Да нет, была. Это включилось мгновенно: вон в том доме, в кирпичном. Все стояли на лестницах, по этажам. С десятого – вниз. Человек шестьдесят вдоль стен; в квартиру заходили по очереди. И молчали; тишина была страшная. Тут Ванька жил, вот что.

Это все всплывало, из глубины: имя. Тут его бабушки квартира была, а он в ней жил. На десятом этаже. И он пришел в тот раз к бабушке, зарплату принес. Он деньги на стол положил. Пальто повесил, в прихожей. Тусовка внизу ждала – он же на минутку зашел-то.

А он окно открыл. И полетел. Он руки раскинул.

Это пятого марта было, мне позвонили. Этот год был високосный. Нет, мы не так уж знакомы были. То есть знакомы, но не близко, так. Просто приходил к нам, иногда. Чай пить. Он меня на свой спектакль звал, зимой. Какой спектакль – у меня, это... Муж.

– Я люблю твою жену, – он сказал. Моему мужу сказал. Тогдашнему.

А мне – ничего. Ничего не сказал. Да это неважно, знаете.

Солнца в ту весну много было. Непристойное, яркое. Нет, я еще сто раз его потом видела, Ваньку. В толпе, спиной, мельком. Сутулый, в очках, в дурацком пальто – это он был, я знаю. И книжка у меня его, зеленая, самопальная – «Улитка на склоне». Он на время дал. Могу показать.

Я шла и под ноги смотрела, смотрела. Старый асфальт в трещинах, клочья травы. Лестница вниз. Метро. В вагоне я сразу села и нехотя подняла голову. Буквы прыгнули в глаза, будто сто лет ждали. Смерти нет – вот что там было написано. Просто реклама такая.